

*В.И. Цепилова***Историческая наука русского зарубежья
в историографии 1920–1930-х гг.**

Ключевые слова: историческая наука, научная эмиграция, историография.

Key words: the historical science, scientific emigration, historiography.

Революционные потрясения и гражданская война привели к массовому «исходу» из страны наших соотечественников, среди которых было немало представителей интеллигенции. В эмиграции оказались 130–150 русских историков, которые в тяжелейших условиях продолжили научную и педагогическую деятельность, поставив перед собой задачу «сохранить и приумножить русскую культуру». В работах А. Феррари [1, с. 61–66], З.С. Бочаровой [2, с. 46–59] подведены некоторые итоги изучения эмигрантского наследия, но отсутствие комплексного и системного историографического анализа затрудняет процесс «встраивания» этого сегмента в отечественную историческую науку и культуру. Более того, Е.П. Аксеновой высказана точка зрения о том, что в «...изданиях русской эмиграции критика носила случайный характер» [3, с. 155].

В данной статье предпринята попытка исследовать процесс восприятия и осмысления творчества историков-эмигрантов в научной литературе 1920–1930-х гг.

Обращение историков-эмигрантов к историографии было закономерным явлением и может быть объяснено рядом причин. Развитию этого направления способствовал теоретико-методологический поиск в мировой и российской исторической науке. Идеи о поступательном прогрессивном развитии, причинно-следственных связях и закономерностях исторического процесса, свойственные позитивистской методологии, на фоне трагедии Первой мировой войны и революционных потрясений потребовали переосмысления известного исторического материала. Большую роль в повышении интереса к историографическим вопросам сыграли работы О. Шпенглера, евразийцев, анализируя которые, историки обращались к теоретическому наследию дореволюционной России [4, с. 297–314, 438–456].

Внимание к историографии обуславливала специфика научного творчества в зарубежье, связанная с оторванностью от архивов, отсутствием необходимой специальной литературы и первоисточников, географической разобщенностью, интересами исследовательских центров стран-реципиентов.

Появление историографических работ зачастую было связано с публицистикой [5, т. 15, с. 297–314; т. 28, с. 438–456], публикацией новых источников [6, с. 125–135], памятными датами истории страны, которые широко от-

мечались в зарубежье. Существенную роль в развитии историографического направления играли психологическая мотивация и материальные затруднения.

Первые рецензии и библиографические обзоры о творчестве историков в эмиграции появились в начале 1920-х гг. и являлись по существу историографическими этюдами. Эмигранты рассматривали историческую науку русского зарубежья как продолжение научного процесса и часть отечественной культуры в целом. Особое внимание уделялось оставшимся на Родине коллегам, работы которых по тематике, методологии, исследовательским подходам рассматривались как продолжение дореволюционной историографии. К марксистским авторам отношение было двойственным: если руководителям советской исторической школы вообще отказывалось в научности их трудов (М.Н. Покровский, Н.А. Рожков), то критика молодых историков носила «мягкий» характер (М.В. Нечкина) [7, с. 548]. При этом марксистская историческая наука представлялась многим историкам-эмигрантам как разрыв с предыдущей традицией.

По мере накопления источников появляются историографические статьи. Статья Флоровского [8] представляла собой публикацию его выступления на съезде ученых русского зарубежья и широко известна исследователям [9, с. 95–100]. В ней основное внимание было сосредоточено на специфике творчества за границей, повлиявшей на содержание и тематику работ. А.А. Кизеветтер представил краткий обзор вышедшей в эмиграции литературы, распределив ее по проблемам: теория исторической науки («Очерки теории исторической науки» П.М. Бицилли, «Философия истории» Л.П. Карсавина, «Смысл истории» Н.А. Бердяева, «Круговорот истории» Р.Ю. Виппера); история России («История России, 882–1917», «Введение в русскую историю» Е.Ф. Шмурло, «Начертание русской истории» Г.В. Вернадского, «Réflexions sur le développement politique de la Russie» Б.Э. Нольде, «Набросок развития русской исторической науки» И.И. Лаппо); история России по периодам; региональная история; всеобщая история; учебники и сборники [10, с. 160–183]. Если по методологическим проблемам и конкретно-историческим, «узким» вопросам автор не высказывает свою точку зрения, то те статьи, предметом которых были близкие его научному интересу вопросы, содержат достаточно емкие характеристики. Даже в отношении одного и того же автора звучат разные оценки: резкая критика «евразийской» работы

Вернадского соседствует с высокой оценкой статей, написанных в позитивистском ключе.

Если А.В. Флоровский и А.А. Кизеветтер рассматривали только работы эмигрантов, то предметом исследования И.И. Гапановича стала российская историческая наука в целом. Хронологически автор охватил значительный по времени период становления и развития истории исторической науки, подразделив ее на три этапа. Сущность интересующего нас третьего этапа (1918–1931 гг.) определялась как переосмысление и переоценка исторического опыта России Т. Масариком, Б. Пайрсом, Н. Бриан-Чаниновым, Б. Нольде, Д. Мирским, Е. Шмурло, П. Милюковым, М. Покровским, Г. Вернадским.

Систематизация творчества историков-эмигрантов была проведена Гапановичем в рамках европейской историографической традиции, в которой наличие диаспоры рассматривалось как естественное явление, но оценка литературы, особенно иностранных работ, давалась в рамках представлений, характерных для отечественной историографии.

Значительный интерес для нас представляет то, что И.И. Гапанович был одним из немногих историков-эмигрантов, увидевших преемственность советской и дореволюционной историографии не только в использовании фактического материала, но и идей предшественников. В частности, русские марксисты заимствовали идеи борьбы леса со степью, необходимости сильного централизованного государства, происхождения крепостничества, причин возвышения Москвы и потери независимости Новгорода, истоков Смутного времени. Анализируя работы М.Н. Покровского, И.И. Гапанович в качестве их главного недостатка отметил модернизацию истории [11, р. 94–96].

В иностранной историографии историческая мысль русского зарубежья не была предметом специальных исследований, а ее критика носила случайный характер. Определенную дискуссию вызвало появление трехтомной «Истории России», изданной на французском языке. Предисловие к ней написал видный представитель французского позитивизма Ш. Сеньобос, который, причислив издание к «выдающимся», вместе с тем считал, что «русские нововведения» были по существу подражанием Западу. Причины «отставания» России автор видел в факте принятия православия и влиянии татарского ига. Такое представление опиралось на классическую российскую историографию, в основе которой был европоцентризм. Но если в трудах отечественных историков изучение общих с западноевропейской историей черт и специфики их проявления в России в какой-то степени уравнивались, то в европейском руссифицировании внимание акцентировалось на элементах копирования и «отсталости» России.

Анализируя этот капитальный труд, И.И. Гапанович справедливо увидел в нем столкновение российской и европейской историографических традиций. Хотя Сеньо-

бос написал только предисловие, Гапанович видел его влияние в названиях глав, предпочтении политической истории. Но содержание глав, написанных П. Милюковым, А. Кизеветтером, В. Мякотиним, Б. Миркиным-Гецевичем, было шире названий и включало не только политические, но и социальные, экономические процессы развития России [12, р. I–XIX, с. 124–125].

Иную оценку изданию дал Л. Февр, иронично отметив, что книга устарела до того, как она вышла. Автор критикует не только сведение истории России к политическим событиям, но и систему изложения исторического материала, т.е. методологию исследования. Называя позитивистскую схему «комодной», автор противопоставил политической и событийной истории междисциплинарные исследования, поставив в центр изучения человека [13, с. 62–66]. Критика издания шла с позиций новой методологии, но для большинства русских историков, оторванных от источников и, по существу, «выживавших» в новой среде, преодолеть сложившиеся стереотипы о предмете исторического познания было трудно. Предназначая «Историю России» французскому читателю, эмигранты транслировали устоявшееся, как казалось, знание.

С работами историков-эмигрантов были знакомы специалисты в СССР [14]. В условиях 1920-х гг., когда марксистская методология находилась в стадии становления, существовала глубокая и разносторонняя связь между советской и зарубежной русской исторической наукой. В «Отчете о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926)» Н.И. Кареева (1926 г.) мы находим оценку трудов М.И. Ростовцева, П.Г. Виноградова, Р.Ю. Виппера, О.В. Добиаш-Рождественской, П.М. Бицилли [15, с. 136–154]. В свою очередь, историки, оставшиеся в СССР, могли знакомиться с работами коллег. Сохранялась возможность сотрудничества с иностранными издательствами и периодическими изданиями. Показательны два первых тома трудов «Seminarium Kondakovianum», в которых были опубликованы статьи оставшихся в России В.Н. Бенешевича, Д.В. Айналова, Л.А. Мачулевича, С.А. Жебелева, А.Н. Кубе, А.В. Орешникова, Ф.И. Успенского и др. Журнал получал и реферировал научные труды из Москвы, Петрограда, Саратова, Севастополя, Ташкента. В сборник статей, посвященных памяти Н.П. Кондакова, была включена статья С.А. Жебелева «Иконографические схемы вознесения» [16, с. 1–18, 321]. В 1926 г., возвращаясь через Харбин из Токио с Тихоокеанской конференции, советская делегация АН СССР была принята администрацией юридического факультета, состоялась беседа с его профессорско-преподавательским составом [17, с. 370]. В печати появлялись некрологи [18].

В 1920-е гг. в советских журналах, особенно библиографических разделах, регулярно давались материалы из жизни научной эмиграции, которые отличались значительной свободой обсуждения во-

просов, относительно высокой степенью объективности. В частности, журнал «Печать и революция» сообщал о подготовке к печати работ С.П. Мельгунова А.А. Кизеветтера, В.А. Мякотина, публикации статей Е.Ф. Шмурло. Читатель в России мог узнать о работе русских университетов в Праге; преподавательской деятельности профессоров и обучении студентов [19, с. 62–66]. Практически сразу было замечено евразийство. Так, В.П. Полонский обратил внимание на его сущностные черты: отрицание европейской цивилизации, национализм, славянофильство; преемственность с идеями Шпенглера, Кайзерлинга, Пауля Эрнста [20, с. 39, 40]. При всей политизированности данной статьи можно отметить, что эта характеристика совпадала с позицией историков-позитивистов зарубежья.

Вместе с тем именно в 1920-е гг. закладываются основы противостояния советской и дореволюционной / эмигрантской историографии. К его внутринаучным причинам можно отнести «империалистичность» каждого нового концептуального построения, которое отстаивает свое право на жизнь в борьбе с предыдущей исторической схемой; состояние позитивистской методологии, переживавшей кризис; все большее расхождение научной проблематики.

Советские статьи и рецензии, посвященные эмиграции, рассматривали прежде всего литературу мемуарного и публицистического характера, преобладавшую в эмигрантских изданиях. Стремление осознать истоки революции и причины политического поражения, оценка недавних событий на основе личного участия делали эту литературу политизированной, что осознали сами эмигранты [21]. В свою очередь, марксистская литература также отличалась крайней политизированностью и уязвимостью для научной критики. Родоначальники марксистской историографии, как и молодые исследователи, переносили формы и методы Гражданской войны в сферу культуры, образования и науки. Этому способствовал низкий уровень культуры основной массы населения страны, позволявший манипулировать сознанием людей, порождавший упрощенные классовые подходы к научным проблемам. В научно-практическом плане решалась задача рассмотреть российский исторический процесс с точки зрения марксистской методологии, поэтому как дореволюционная, так и созданная «внутренними» и «внешними» эмигрантами литература рассматривалась как чуждая марксизму-ленинизму.

Сама система образования, складывающаяся в Советской России, воспроизводила такие подходы в историографии. В отличие от преподавания в дореволюционных вузах, где «история» завершалась в лучшем случае XIX в., в советской высшей школе 1920-х гг. основное внимание уделялось новейшей истории страны, что изначально закладывало оценочный субъективизм.

Зарождающееся противостояние подпитывалось угрозой новой интервенции (сторонники такого решения

вопроса были и среди политиков Запада, и среди эмигрантов), формированием научных и образовательных структур в эмиграции, заявлявших о подготовке кадров «для будущей России». В свою очередь, высылка из СССР представителей интеллигенции, ужесточение цензуры, установление партийного контроля над системой образования и научными структурами также не способствовали доверию. Огромное влияние на формирование и сохранение «образа врага» в лице эмиграции оказывала внутрипартийная борьба и формирование культа личности, в ходе которых любое инакомыслие, в том числе научное, стало рассматриваться как измена «социалистической Родине». В связи с этим критика эмигрантской литературы, в том числе и научной, рассматривалась как составная часть идеологической борьбы.

Таким образом, в первое десятилетие существования советской власти формируются тенденции как взаимовлияния, так и противостояния двух ветвей еще единой российской исторической науки. Уже классическим стал пример об отношении к реформе орфографии многих историков-эмигрантов, которые отказывались публиковаться в одних сборниках с марксистами. В свою очередь, под предлогом сохранения «старой орфографии» с 1924 г. сокращается поступление в СССР эмигрантской литературы, закладывается традиция «исключить» эмигрантов из российского научного пространства, высказывается «обеспокоенность» появления публикаций русских/советских исследователей за рубежом, т.е. формируются те черты, которые станут отличительными для советской историографии.

С рубежа 1920–1930-х гг. возросла обличительная направленность советской историографии, критика становится менее объективной и научной. Основной удар наносился по В.О. Ключевскому и его «школе», в числе которых было немало историков-эмигрантов. С.А. Пионтковский, характеризуя научные работы учеников Ключевского, обвинял их в мелкотемье, в апологии «собственности и крепостничества» [22, с. 160, 162, 168, 170]; при этом историков делили на группы, в зависимости от того, «интересы какой части буржуазии они отражали» [23, с. 115–118, 142–144]. В рамках нашей проблемы следует отметить, что закладывалась историографическая традиция анализировать взгляды историков как доказательство «кризиса буржуазной науки», который трактовался как регресс в историческом познании. Эмигрантские работы рассматривались как статичные, как доказательство «полного распада буржуазной науки» [22, с. 176]. Жесткой критике был подвергнут литографированный курс «История России» Е.Ф. Шмурло. Кроме личных нападок, рецензия содержала обвинение в создании «научно недоброкачественного, исторически неверного и безнадежно устарелого курса», в антисоветской пропаганде, игнорировании марксистских работ [24, с. 142–144]. Насколько необъективной была критика, показывает оценка работы И.И. Гапановичем как

особого жанра исторического синтеза [25, с. 76–77]. Интересна и более поздняя по времени оценка Черрони, данная с позиций становления славяноведения и русистики в Италии [26].

Позиция автора, его мировоззрение, современная ему действительность всегда накладывают отпечаток на исследование. Выбор темы исследований, подбор и анализ источников также определяется «запросом» времени, что придает прошлому некоторый модифицированный и схематический облик, что признавалось и в дореволюционной историографии. Но сведение советскими марксистами всего многообразия познавательных процессов к формационному подходу, абсолютизация классового принципа до предела упрощали исторические процессы, ограничивая познавательные возможности самой науки.

В 1941 г. вышла в свет монография Н.Л. Рубинштейна «Русская историография», в которой частично «реабилитировалась» «школа Ключевского», ставилась проблема изучения научного творчества как процесса, обусловленного множеством факторов

[27, с. 4]. Эти перемены не изменили отношения к эмигрантским работам, но стали первым шагом для будущей переоценки дореволюционной историографии.

Таким образом, в изучении эмигрантской литературы в 1920–1930-е гг. условно можно выделить три подхода: первый исследует творчество не только изгнанников, но и труды советских историков, представляя российскую науку как цельное, но изолированное от мировой историографии явление. При втором подходе творчество научной пореволюционной эмиграции рассматривалось как замкнутая система, позволяющая «сохранить и приумножить» русскую культуру. Эта позиция приводила к некоторому изоляционизму, способствовавшему консервации методологических подходов. Третье направление рассматривало российскую историческую науку зарубежья как часть мирового научного процесса, но при этом исчезала проблема специфики российской пореволюционной историографии. Общей чертой было восприятие эмигрантской исторической мысли как неотъемлемой части отечественной историографии.

Библиографический список

1. Феррари, А. К истории евразийской идеи: взгляд с Запада / А. Феррари // Евразийство: проблемы осмысления (по итогам международной научной конференции. 14–15 сентября 2000 г.). – Уфа, 2002.
2. Бочарова, З.С. Основные тенденции развития отечественной историографии российской эмиграции за восемьдесят лет (1920–2000) / З.С. Бочарова // История российского зарубежья: Проблемы историографии (конец XIX – XX в.). – М., 2004.
3. Аксенова, Е.П. Русские ученые-эмигранты первой волны в Югославии / Е.П. Аксенова // Русская эмиграция в Югославии. – М., 1996.
4. Карсавин, Л.П. Европа и Евразия / Л.П. Карсавин // Современные записки. – 1923. – Т. 15.
5. Авксентьев, Н.Д. *Patriotica* / Н.Д. Авксентьев // Современные записки. – 1920. – Т. 1.
6. Кизеветтер, А. Письма царицы / А. Кизеветтер // Современные записки. – 1922. – Т. 13.
7. Кизеветтер, А.А. Рец.: М.В. Нечкина. Общество соединенных славян. М., 1927 / А.А. Кизеветтер // Современные записки. – 1928. – Т. 35.
8. Флоровский, А.В. Русская историческая наука в эмиграции (1920–1930) / А.В. Флоровский // Труды V съезда РАО за границей. – София, 1932. – Ч. I.
9. Аксенова, Е.П. Историческая наука СССР и русского зарубежья в оценке А.В. Флоровского / Е.П. Аксенова // Культурное наследие российской эмиграции. 1917–1940 : в 2 т. – М., 1994. – Т. 2.
10. Kizeveter, A.A. *Histoire de Russie. Travaux des savants russes imigres* / A.A. Kizeveter // *Revue historique*. – Paris, 1930. – Т. 143.
11. Gapanovitch, J.J. *Historiographie russe hors de la Russie* / J.J. Gapanovitch. – P., 1946.
12. *Histoire de Russie*. Par Paul Milioukov, Ch. Seignobos et L. Eisenmann. T. I. Des origines a la mort de Pierre le Grand. – P., 1932.
13. Февр, Л. История современной России. За синтез против «картинной истории» // Февр Л. Бои за историю. – М., 1991.
14. Луппол, И.К. Об отношении советских ученых к ученым эмиграции / И.К. Луппол // Научный работник. – 1928. – №12.
15. Кареев, Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926) // Отечественная история. – 1994. – №2.
16. *Seminarium Kondakovianum*. – Прага, 1928. – Т. II.
17. Известия юридического факультета. – Харбин, 1928. – Т. 5.
18. Покровский, М.Н. П.Г. Виноградов (1854–1925) / М.Н. Покровский // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. – 1926. – 29 апр.
19. Среди эмигрантов // Печать и революция. – 1923. – Кн. 3.
20. Полонский, Вяч. Буржуазная интеллигенция и Октябрьская революция / Вяч. Полонский // Печать и революция. – 1921. – Кн. 3.
21. Мельгунов, С.П. Гражданская война в освещении П.Н. Милюкова (по поводу «Россия на переломе») / С.П. Мельгунов. – Париж, 1929.
22. Пионтковский, С.А. Великоорусская буржуазная историография последнего десятилетия / С.А. Пионтковский // Историк-марксист. – 1930. – Т. 18–19.
23. Пионтковский, С.А. Буржуазная историческая наука в России. – М., 1931.
24. Пионтковский, С.А. Рец.: Е. Шмурло. Курс русской истории. Т. II. Вып. 1-й. Москва и Литва (1462–1613). Прага Чешская. 1933 / С.А. Пионтковский // Историк-марксист. – 1935. – №12.
25. Gapanovitch, J.-J. *Historiographie russe hors de la Russie* / J.-J. Gapanovitch. – P., 1946.
26. Черрони, У. Изучение истории СССР в Италии / У. Черрони // История СССР. – 1961. – №1.
27. Рубинштейн, Н.Л. Русская историография / Н.Л. Рубинштейн. – М., 1941.